

С.П. Мельгунов

Москва и старая вера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.П. Мельгунов**
Москва и старая вера / С.П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2016. –
36 с.

ISBN 978-5-458-55911-9

Очерк из истории религиозно-общественного движения на рубеже XVII-
XVIII веков.

ISBN 978-5-458-55911-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на нихъ въ формѣ самыхъ рѣзкихъ и активныхъ протестовъ. Вторая половина XVII вѣка, можно сказать, классическій вѣкъ народныхъ волненій. Достаточно припомнить іюльскій бунтъ 1648 г. въ Москвѣ, когда царю Алексѣю пришлось бить челомъ „всему міру“ и обѣщать удовлетворить „простолюдиновъ“ новыми „хорошими законами“; отзвуки бунта въ провинціи, хотя бы въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ также въ сущности торжествуютъ „воры-гилевщики“, гдѣ даже устанавливается временное правительство; мѣдный бунтъ въ Москвѣ въ 1662 г., когда царю Алексѣю пришлось рукобитіемъ подтвердить свое обѣщаніе, данное „злымъ людямъ“, а затѣмъ переказнить 15000 „воровъ“; Разиновскую драму, стоившую болѣе ста тысячъ народныхъ жертвъ и оставившую надолго неизгладимое впечатлѣніе въ народной психикѣ; стрѣлецкіе бунты, которые народное сознаніе отождествляло со всѣми движеніями „воровъ-гилевщиковъ“ и которые закончились знаменитыми Петровскими розысками; наконецъ—казацкія волненія подъ знаменемъ „старой вѣры“ на Дону съ 70—90 г.... Достаточно остановиться на этомъ голомъ перечнѣ, чтобы воспроизвести если не яркую, то достаточно полную картину народнаго протеста во второй половинѣ XVII столѣтія. Рука объ руку съ этими активными формами народнаго протеста идетъ широкій потокъ бѣгства изъ центра на окраины: міръ городской, міръ деревенскій въ „одиночку“ и „скопомъ“ бѣжить отъ „большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ наборовъ“. Уже въ серединѣ вѣка изъ Москвы, „какъ изъ тюрьмы“, по наблюденію современниковъ, бѣжить и переселяется народъ.

Нельзя не учитывать этого почти всеобщаго господствующаго настроенія въ народной массѣ, когда рѣчь заходитъ о чисто церковномъ явленіи, какимъ на первый взглядъ представляется „расколъ“. Самъ по себѣ призывъ къ протесту противъ никоновскихъ реформъ не заключалъ ни социальныхъ ни политическихъ элементовъ, но онъ падалъ на раскаленную почву, и въ народномъ сознаніи церковная реформа являлась какъ бы завершеніемъ крѣпостного ярма, какъ бы вѣнцомъ личной неволи и государственной кабалы. Религія и мірская жизнь объединялись въ одномъ общемъ протестѣ. Старое идеализировалось и противопоставлялось „нѣмецкому злѣдѣйству“—вторженію этого ивсеземнаго при-

писывался ростъ экономическихъ и социальныхъ тяготъ. „Старое становится синонимомъ вольности и освобожденія отъ общественнаго зла. „Старая вѣра“ становится девизомъ борьбы за экономическое благополучіе, за социальное равенство и политическую свободу. „Старая вѣра“—это идейное знамя для народной оппозиціи, придавшее стихійнымъ народнымъ движеніямъ характеръ планомерной борьбы, характеръ борьбы не за одни только матеріальныя блага. Потому народная оппозиція и оказалась столь длительной и жизненной, что въ основѣ ея лежали болѣе глубокіе корни и причины, чѣмъ узкій націонализмъ и старовѣрческій фанатизмъ, иредразсудки и невѣжество.

Перейдя отъ низовъ къ верхамъ общества, къ тѣмъ, кому суждено было сдѣлаться руководителями движенія, положившаго начало старообрядчеству, пожалуй, также придется отказаться отъ значительной доли обычныхъ сужденій. По крайней мѣрѣ придется внести существенный коррективъ въ утвержденіе, что защита національной старины явилась только „плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности“, какъ въ свое время думалъ Забѣлинъ. Этотъ коррективъ неизбѣженъ уже потому, что въ наши дни достаточно выяснены и самый характеръ реформъ патріарха Никона и въ значительной степени обоснованность того шумнаго протеста, который вызвали въ извѣстныхъ слояхъ московскаго общества никоновскія церковныя начинанія. Нельзя уже изображать расколъ, происшедшій въ московскомъ обществѣ въ срединѣ XVII столѣтія, только въ видѣ протеста невѣжественной среды противъ среды мыслящей. Первые расколоучители далеко не были тѣми обскурантами, которыми ихъ готовы у насъ такъ часто представить. Какъ разъ въ значительной степени на ихъ сторонѣ были, пожалуй, и умъ и талантъ; имъ нельзя отказать даже въ большой начитанности для своего времени. Замѣчательная фигура протопopa Аввакума дѣйствительно рѣзко выдѣляется изъ окружающей среды современниковъ.

Люди церковнаго круга, далекіе по своему настроенію и призванію отъ мирскихъ интересовъ и свѣтской жизни, первые расколоучители, конечно, мало имѣли общаго съ тѣми передовыми новыми людьми, поклонниками западно-европейской культуры, которыхъ выдвинуло переходное время второй половины XVII столѣтія. Церковные проповѣд-

ники и обличители, воодушевленные аскетическими идеалами благочестиваго житія, святыхъ монашескихъ подвиговъ „во вся дни, нощи и часы“,—понятно, они были очень далеки отъ новыхъ путей жизни, пробивающихся въ старой Москвѣ. Правда, въ этой патріархальной старой Москвѣ вся жизнь была тѣсно и неразрывно связана съ церковнымъ обиходомъ, вся жизнь была прикрыта религіозной пеленой; иногда трудно разграничить эти двѣ сферы—область мірской жизни отъ области религіозной, гдѣ царь, являясь главой государства, въ той же мѣрѣ былъ и церковнымъ устройтеlemъ. Однако западничество уже сбрасывало эту теократическую опеку, оно шло по пути секуляризаціи общественной мысли и общественнаго обихода. Но это было явленіе новое, въ основѣ своей чуждое старозавѣтнымъ идеаламъ Руси. Сопоставлять поэтому западничество и церковное реформаторство XVII вѣка врядъ ли представляется возможнымъ. Это—два враждебныхъ явленія, какими всегда и всюду были церковъ и свѣтская мысль.

Аввакума и его друзей мы должны взять въ той обстановкѣ, въ которой имъ пришлось дѣйствовать, и сопоставить съ патріархомъ Никономъ и его сторонниками.

Въ Никонѣ прежде готовы были видѣть своего рода предшественника Петра. Въ дѣятельности Никона готовы были усмотрѣть поворотъ „отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской“. Пожалуй, здѣсь было нѣчто общее, но только во внѣшнихъ пріемахъ проведенія реформъ. Смилая рука Никона такъ же рѣзко коснулась „завѣтнаго начала жизни“ старой Москвы, какъ въ послѣдствіи грубая рука царя-мастероваго рѣзала непослушныя бороды и головы. Никонъ и Западъ—это два полюса. Никонъ—воплощеніе тѣхъ самыхъ византійскихъ началъ, которыя дѣйствительно рабски сковывали московское общество и воспитывали его въ исключительной враждѣ ко всему, что шло съ болѣе культурнаго Запада. Никонъ—крупная фигура, человекъ несомнѣнно сильной воли, но это фанатикъ своихъ грекофильскихъ симпатій съ момента занятія патріаршаго престола. Онъ въ сущности одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей того теченія въ московскомъ обществѣ, которое на Востокѣ, въ Византіи, какъ бы ищетъ противовѣса вторгающемуся Западу.

Это теченіе опредѣленно кристаллизируется въ серединѣ столѣтія; оно тѣсно связано съ официальной церковью, въ

теоріи, находящейся въ содружествѣ со свѣтской властью, въ дѣйствительности же въ полномъ подчиненіи у послѣдней.

Въ глазахъ огромнаго большинства московскаго общества церковный авторитетъ грековъ давно уже палъ. Но его вновь пытаются возродить въ официальныхъ кругахъ. Первымъ грекофиломъ выступаетъ еще патріархъ Филаретъ, который въ цѣляхъ согласованія русской церкви съ греческой производитъ уже нѣкоторыя церковныя исправленія, который пытался завести и греческую школу на патріаршемъ дворѣ. Въ 1644 г. появляется „Кириллова книга“,—этогъ своего рода пробный шаръ въ смыслѣ подготовки московскаго общественнаго мнѣнія въ пользу грековъ. Черезъ четыре года царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ издаетъ „Книгу о вѣрѣ“, написанную кievскимъ игуменомъ Нафанаиломъ—она имѣетъ опредѣленную задачу показать непогрѣшимость греческаго авторитета въ церковныхъ дѣлахъ. Чѣмъ же надо объяснить этотъ поворотъ въ правящихъ церковныхъ кругахъ? Дѣятельность патріарха Никона отчетливо объясняетъ намъ происхожденіе и развитіе этой тенденціи.

Стремленіе къ согласованію русской и восточныхъ церквей объясняется широкими перспективами, которыя рисуются правительству и официальной церкви. Они уже не довольствуются установленіемъ и признаніемъ независимой національной церкви, не находящейся въ духовно-іерархическомъ подчиненіи отъ Византіи. Политическая идеология давно уже поставила Московское царство въ положеніе какъ бы законной преемницы византійской монархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвела московскаго самодержца въ санъ „браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой *вселенской* церкви“. Реальное осуществленіе идеи этой вселенской церкви подъ главенствомъ Москвы и становится однимъ изъ утопическихъ мечтаній московскаго правительства.

Царь Алексѣй не безъ удовольствія выслушивалъ лестиныя слова прибывающихъ въ Москву греческихъ іерарховъ, провозглашавшихъ „московскаго властелина“ новымъ Моисеемъ, который долженъ объединить всѣ православныя народы подъ своимъ скипетромъ, „быти на вселеній царю и самодержцу христіанскому и возсіати, яко солнцу посреди звѣздъ“. Московскіе самодержцы искони мечтали быть „превыше всѣхъ царей“. Эти замаичивыя перспективы раскрывали

передъ ними льстивые восточные іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву въ цѣляхъ матеріально поживиться за счетъ „Руси глупой, ничтоже свѣдущей“, какъ выражался впоследствии одинъ изъ книжныхъ справщиковъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Но какъ могла осуществиться желанная политическая мечта? Какъ осуществить ту мессіанскую роль, которая выпадала на долю царя Алексѣя и его преемниковъ? Преемникъ византійскаго императора долженъ былъ явиться и охранителемъ византійскаго православія. Слѣдовательно, первый этапъ долженъ былъ заключаться въ единеніи русской и восточныхъ церквей. Национальная русская церковь должна была находиться „согласна во всемъ и купчочинна“ съ церковью византійскою, чего въ дѣйствительности во вѣншемъ ритуалѣ давно уже не было. А эта вѣшняя обрядовая сторона неразрывными узами была связана съ догматической стороной, какъ въ сущности она связана и въ наши дни у огромнаго большинства людей. Обрядъ и догматъ — это два спаянныхъ звена каждой религіи, каждой церковной организациі. Понятно, что при такихъ условіяхъ царь Алексѣй долженъ былъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ той церковной реформы, которая должна была привести къ установленію полной солидарности между церквами русской и восточной. Въ силу положенія, которое уже занималъ въ церковной организациі „высочайшій святой самодержецъ“ — если неофициальный глава, то ея главный охранитель и блюститель — естественно, царь Алексѣй долженъ былъ явиться въ значительной степени и иниціаторомъ той рѣшительной реформы церковнаго объединенія, которая была проведена при Никонѣ. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ отчетливо выясняетъ послѣднее изслѣдованіе проф. Каптерева „Царь Алексѣй и патріархъ Никонъ“.

Никонъ вполне раздѣляетъ политическія мечтанія царя Алексѣя: еще въ своей привѣтственной рѣчи при посвященіи въ санъ патріарха онъ желаетъ московскому правительству распространить царство свое „отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя“. Въ его мечтахъ рисуется та же вселенская церковь подъ главенствомъ московскаго патріарха. Только на цезаро-папизмъ Византіи Никонъ хочетъ надѣть палскую тогу. Патріархъ-государь долженъ въ теоріи стать выше свѣтской власти. Теократія — таковъ идеаль Никона, идеаль, который онъ лелѣялъ еще въ бытность новгород-

скимъ митрополитомъ и который долженъ былъ на патріаршемъ престолѣ, конечно, раскрывать лишь иносказательно.

Только на судѣ, когда уже не оставалось сомнѣнія въ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о „великомъ государствovanіи“ патріарха, Никонъ болѣе опредѣленно развилъ свои теоретическіе взгляды. „Древніе уставы греческіе — писалъ Никонъ — повѣдаютъ сице: два меча владычествовати... владычества, духовное и мірское, тѣми двѣма мечами содержитсяъ. Который изъ нихъ высшій и достойнѣйшій — едино разумѣютъ тако, еже бы царь вышній былъ, ниже архіерей... Нѣцые тако утверждаютъ, яко архіерей вышши есть неже царь“. Никонъ самъ всецѣло склоняется на сторону „разумнѣя“ тѣхъ „ученыхъ“, которые утверждаютъ, что „власть царская имать быти повинна власти архіерейской“, и поясняетъ свою мысль метафорой: „Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣ архіерея и ему въ повиновеніи“... „Господь Богъ всеильный егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли свѣтите повелѣ: солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вѣщи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило — въ нощи еже есть тѣлу; яко же мѣсяцъ емлетъ себѣ свѣтъ отъ солнца... такожде и царь. Таковое есть то разнство между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ, яковая есть между солнцемъ и луною“...

Грекофильскія симпатіи такимъ образомъ тѣсно связывали въ первое время Никона и Алексѣя — и тотъ и другой любили „греческіе обряды“, какъ отмѣчаетъ современникъ Павелъ Алепскій, — но различіе въ конечныхъ цѣляхъ неизбежно должно было привести къ разрыву, такъ какъ московскій самодержецъ отнюдь не склоненъ былъ итти на уступки теократическимъ вождѣлнннмъ московскаго патріарха. Этотъ разрывъ пророчески предсказывалъ Никону еще одинъ изъ первыхъ вождей старообрядчества Іоаннъ Нероновъ: „да время будетъ и самъ съ Москвы искочишь“. Московская практика давно уже переписала Божье достоиніе на царское имя, — и, слѣдовательно, гордая теорія папизма пришла слишкомъ поздно. Тѣмъ болѣе была она неумѣстна, что и въ общественномъ настроеніи не находила себѣ поддержки; скорѣе обратно — „папешская ересь“ Никона вы-

звала большой протестъ среди тѣхъ, кто являлся вождемъ старообрядчества.

И очень часто эту группу выставляютъ какъ бы прямыми продолжателями іосифлянскихъ націоналистическихъ традицій, провозглашавшихъ союзъ церкви и государства съ приоритетомъ послѣдняго, приглашавшихъ мечъ государственный стоять на стражѣ интересовъ церковныхъ. Но не кроется ли здѣсь одинъ изъ роковыхъ предразсудковъ, которые окружили слишкомъ уже густой пеленой обскурантизма и реакціи первые годы жизни московскаго старообрядчества?

Мы слышимъ, правда, первоначально, обращенные къ свѣтской власти призывы остановить реформы Никона. Эти обращенія были болѣе чѣмъ естественны, потому что реформы производятся по инициативѣ свѣтской власти, потому что свѣтская и церковная власти фактически почти слиты между собой. Но одновременно съ этими призывами идутъ и протесты противъ единоличныхъ распоряженій свѣтской и церковной властей, требованія соборнаго рѣшенія по вопросу о церковныхъ реформахъ. Въ этомъ соборѣ, по воззрѣнію Іоанна Неронова, должны принять участіе и мірскіе выбранные люди — соборъ долженъ быть какъ бы гласомъ народа. Къ этому народу непосредственно обращаетъ свои первые призывы съ протестомъ противъ никоновскихъ реформъ Аввакумъ. Если первоначально тактическія соображенія сами по себѣ какъ бы инстинктивно заставляютъ обращаться къ свѣтской власти, искони занимавшей мѣсто устроительницы церковныхъ дѣлъ, если персональныя отношенія къ царю у первыхъ вождей старообрядчества, побуждаютъ къ тому же, то по мѣрѣ порчи этихъ отношеній, по мѣрѣ выясненія характера реформъ, назрѣванія конфликта, проповѣдь церковной оппозиціи пріобрѣтаетъ уже болѣе опредѣленный и послѣдовательный характеръ. Она выливается въ концѣ-концовъ въ форму протеста противъ насильственной ломки установившихся религіозныхъ традицій и обрядовъ, противъ насилія надъ свободой совѣсти, противъ вмѣшательства даже свѣтской власти въ церковныя дѣла. Она приводитъ къ принципиальному отрицанію основныхъ положеній іосифлянской политики. Царь не долженъ „владѣть церковью“, какъ характерно выражается Аввакумъ. Именно вмѣшательство свѣтской власти — „градское казненіе“ создаетъ религіозныя

гоненія, противъ которыхъ въ концѣ своей литературной дѣятельности такъ ярко выступилъ Аввакумъ: „огнемъ, да кнутомъ, да виселицею“ нельзя утвердить вѣру. Столь же рѣзко Аввакумъ выступаетъ и противъ пастырей, которые ради благъ земныхъ „такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться“: „своими руками готовы неповинныхъ кровь проліяти и исповѣдниковъ православныхъ вѣры во огонь всаждають“—пишетъ онъ въ посланіи къ царю Феодору. „Хороши законоучители. Да што на нихъ! Таковыя нарочно поставлены, яко земскія ярыжки,—что имъ велить, то и творять. Только у нихъ и вытвѣржено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь...“ Они только потакаютъ царю: „аги, государь, христіанъ тѣхъ, а намъ, какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны, хотя и медвѣдя дай намъ въ алтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лишь намъ погреба давай, да кормы со дворца“.

Своеобразная теорія своего рода отдѣленія церкви отъ государства, развитая талантливимъ протопопомъ, конечно, вытекала изъ сознанія, что дѣло проиграно вслѣдствіе поддержки, которую оказываетъ свѣтская власть церковнымъ начинаніямъ и, наконецъ, изъ чувствъ разочарованія въ самомъ царѣ Алексѣѣ, къ которому Аввакумъ относился въ сущности съ такой большой душевностью до самаго послѣдняго времени: „ну, да хотя государь меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю тя благословеніемъ послѣднимъ“—пишетъ онъ въ заключеніе одного изъ посланій царю, упрекая его за преслѣдованія.

Быть можетъ, Аввакуму постепенно выяснялось и то, что мы хорошо знаемъ теперь—что именно царь былъ однимъ изъ инициаторовъ проведенія реформъ въ духѣ „никоновскихъ новинокъ“. У Аввакума несомнѣнный и рѣзкій противорѣчій, но не слѣдуетъ ли это отчасти объяснить и непосредственностью его впечатлительной природы? Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ порыва, но онъ всегда искрененъ. Съ другой стороны, новыя мысли лишь нащупывались и не могли вылиться въ достаточно отчетливыхъ формахъ. Но какими мотивами ни объяснять призывъ къ вѣротерпимости, непрестанно повторяющійся въ устахъ учениковъ протопопа, нельзя будетъ не признать, что эта антикисифлянская политика становится въ концѣ-концовъ доминирующимъ настро-

еінемъ всего старообрядческаго міра, разорвавшаго связи съ міромъ никоніанскимъ.

Окончательный разрывъ между сторонниками никоніанскихъ реформъ и ихъ противниками происходилъ постепенно, по мѣрѣ выясненія характера самихъ реформъ и ихъ осуществленія. Грекофильскія тенденціи получаютъ какъ бы правительственную санкцію еще до занятія Никономъ въ 1652 г. патриаршаго престола. Въ 1649—1650 гг. прибываютъ въ Москву тѣ малорусскіе ученые—Арсеній Сатановскій, Дамаскипъ Птицкій, Епифаній Славенецкій, которые должны были заняться исправленіемъ церковнаго чина въ духъ согласованія его съ греческой практикой. Домъ боярина Ѳедора Ртищева, покровительствовавшаго кіевлянамъ, превращается въ своего рода общественный салонъ, гдѣ идутъ горячіе споры по вопросу о церковной реформѣ. Цѣлыя ночи проходятъ въ этихъ бесѣдахъ, на которыхъ выступаютъ и нѣкоторые изъ будущихъ вождей старообрядчества. Московское общество проявляетъ большой интересъ къ вопросу, ставшему какъ бы очереднымъ; объ этомъ свидѣтельствуемъ успѣхъ, которымъ пользуются литературныя произведенія, затрагивающія эти вопросы: „Книга о вѣрѣ“ и донесенія Арсенія Суханова о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ на Востокѣ—донесенія, которыя опровергали выводы грекофильской партіи и доказывали, что греки не могутъ быть „источникомъ“ вѣры. Въ послѣднихъ донесеніяхъ видѣтъ здѣсь только націоналистическое сомнѣніе и невѣжество нельзя уже потому, что свои выводы Сухановъ аргументируетъ непосредственными наблюденіями надъ тѣми „небреженіями“, которыя допускаютъ греки. Въ 1650 г. на Афонѣ сжигаютъ московскія богослужебныя книги, какъ еретическія. Для грекофильской партіи это былъ сильный ударъ, ставившій вопросъ о церковныхъ исправленіяхъ ребромъ. Для противниковъ грековъ это событіе отнюдь не могло служить поводомъ измѣнить установившуюся церковную практику, ибо греческіе источники давно уже „пересохли“. Выводы Арсенія Суханова вполне гармонировали съ господствующей въ московскомъ обществѣ точкой зрѣнія. Пріѣзжіе греки лишь еще болѣе дискредитировали въ глазахъ московскаго общества авторитетъ греческой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, эти греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву для полученія подачекъ и даровъ отъ царскихъ щедротъ, занимающіеся въ Мо-

сквѣ продажей индульгенцій— разрѣшительныхъ грамотъ и за „лѣнзяи“ готовые „всякія святѣни обращать въ товаръ“, по ядовитому замѣчанію Юрія Крижанича, неумѣренно льстившіе московскому самодержцу и всѣмъ власть имущимъ— не могли имѣть вѣса въ московскомъ общественномъ мнѣніи.

И когда начались церковныя реформы, единолично проводимыя Никономъ съ одобренія свѣтской верховной власти: когда эти реформы ломали московскую церковную старину во имя греческаго авторитета, онѣ вызвали громкую оппозицію. „И не во имя только косной защиты“ ненарушимыхъ традицій раздался этотъ протестъ: онъ былъ шире и глубже. Протестовали не невѣжественные фанатики, а скорѣе тѣ, въ комъ привычка къ церковному послушанію не убила еще самостоятельности мысли. Вожди старообрядчества далеко не были принципиальными противниками церковныхъ реформъ, не были они и противниками книжнаго исправленія, но они протестовали противъ односторонности реформъ, противъ слѣпого поклоненія греческому авторитету, противъ измѣненій церковнаго чина только потому, что не такъ было у грековъ: въ каждой странѣ свои обычаи—замѣчаетъ Аввакумъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ первыхъ противниковъ Никона (Лазаря и особенно Θεодора дьякона) церковная реформа Никона подвергнута строгой и детальной критикѣ. И съ полнымъ правомъ въ наши дни можно сказать, что аргументація ихъ далеко не такъ невѣжественна, какъ она представлялась обычно въ огромномъ большинствѣ историческихъ изслѣдованій. Теперь безспорно уже доказаны односторонность, мелочность, неряшливость и часто полная необоснованность реформаторскихъ начинаній патріарха Никона и въ особенности книжнаго исправленія. Мы знаемъ, что старообрядческіе вожди были глубоко правы, утверждая, что новыя церковныя книги правлены „не съ древнихъ греческихъ рукописьменныхъ и славянскихъ“, а съ „новогреческихъ печатныхъ книгъ“ съ „венетіанскихъ“ изданій; что они были правы, утверждая, что въ московскомъ обрядовомъ благоденствіи не было искаженій по сравненію со старинной. Исправленіе книгъ по древнимъ рукописямъ при Никонѣ, какъ нынѣ доказано проф. Каптеревымъ, было фикціей. Никоновскія реформы во всѣхъ областяхъ церковной жизни—это дѣйствительно рабское слѣдованіе за византійскими образцами, это перенесеніе современной ему византійской практики